

Выдающийся деятель советского театра

К 10-летию со дня смерти Вл. И. Немировича-Данченко

1943 — 25 апреля — 1953

«...НИГДЕ в мире, — говорил Вл. И. Немирович-Данченко, — театральные люди не могут даже мечтать о том положении, какое занимает театр у нас. По тому большому политическому значению, которое ему придается, по тому вниманию, каким он окружен, ясно, что театр является у нас большим государственным делом. А отсюда — каждый работник театра является человеком, активно творящим это государственное дело».

Великий режиссер, тончайший знаток актера, Вл. И. Немирович-Данченко творил неизменно с этим ощущением — ощущением государственной важности и значительности задач, стоящих перед советским искусством. Каждый спектакль он рассматривал как труд ответственный и почетный, как новый этап углубленных творческих поисков. Вот почему его режиссерские работы неизменно были долговечны, вот почему такие его постановки, как «Враги» М. Горького, «Воскресение» и «Анна Каренина» Л. Толстого, «Три сестры» А. Чехова, «Любовь Яровая» К. Тренева, могут по праву считаться классическими образцами применения метода социалистического реализма в искусстве театра.

Как человек, который всегда жил интересами современности, никогда не замыкался в кругу одних только

театральных проблем, с пристальным вниманием относившийся ко всему новому в жизни и в искусстве, Вл. И. Немирович-Данченко вполне последовательно добивался в своих режиссерских работах ясного и целеустремленного выражения идеи, пронизывающей драматургическое произведение.

Чему должны учиться советские режиссеры у Владимира Ивановича Немировича-Данченко?

Прежде всего предельной ясности замысла, умению глубоко продумать предстоящую творческую задачу и решить ее единственно верным, очень точным путем, не оставляя почвы ни для сомнений, ни для колебаний. Затем умению дать очень краткое, ясное и проникновенное изложение основ своего замысла, как бы некое творческое вступление к репетициям, способное увлечь всех исполнителей и направить к верному пониманию сценической задачи. Стоит, например, познакомиться со статьей, в которой Владимир Иванович изложил свой замысел спектакля «Любовь Яровая». В этой статье всего пять страничек, но какой глубокий, верный и целеустремленный анализ пьесы она содержит! Как энергично, смело и точно развивается мысль режиссера, как проявляется вся система образов произведения, как убедительно вскры-

ваются побудительные мотивы действий каждого персонажа!..

Или другой, столь же яркий пример — письмо к В. Г. Сахновскому, посвященное постановке «Анны Карениной». Здесь снова поразительно точное видение будущего спектакля и попутно ряд интереснейших общих замечаний о свойствах театрального искусства.

Следует учиться у Немировича-Данченко и его поразительной настойчивости в осуществлении задач, поставленных перед собой и актерами. Владимир Иванович не жалел ни сил, ни времени, добиваясь осуществления своего творческого замысла. Между тем мы знаем, как часто режиссер отказывается от того, что подсказало ему его воображение, отказывается только из-за слабости, из-за неумения преодолеть препятствия, возникающие в непосредственной практической работе. Тогда рождаются компромиссы, половинчатые, «недотянутые» решения, тогда выпускаются на свет рампы недозревшие спектакли...

Как и К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко никогда не позволял этого ни себе, ни другим. Добиваясь в сценическом искусстве «мужественной простоты», честной, сильной и верной жизненной правды, он успокаивался только тогда, когда спектакль приобретал эти драгоценные качества.

Как добивался Вл. И. Немирович-Данченко этой цели? Как удавалось ему достичь такой неподдельной искренности, такой удивительной непосредственности и естественности сценического действия? Какие у него были «секреты» в его работе с актерами?

Я думаю, что никаких секретов не было, кроме, впрочем, одного секрета: большого таланта. Но были, несомненно, огромное внимание, терпение и чуткость в работе с актерами.

Каждый из актеров, участвовавших в его спектаклях, не просто готовил роль, но проходил большую и глубокую школу — школу жизни и творчества. И Владимир Иванович, неизменно сдержанный, корректный, терпеливый, с виртуозным искусством раскрывал новые и новые возможности каждого актера, вел его от одной роли к другой, пренебрегая старыми правилами «амплуа» и как бы открывая в каждой артистической индивидуальности все новые богатства.

Вл. И. Немирович-Данченко и К. С. Станиславский, руководствуясь общими творческими принципами и общими целями, создавали единый МХАТ. Оба, достигая значительных и ценных творческих результатов, в своей непосредственной практике зачастую отличались друг от друга, пользовались различными режиссерско-педагогическими системами воздействия на природу актера. Этот факт полностью опровергает утверждения тех наших «теоретиков», которые пытаются сделать из живой и гибкой «системы Станиславского» свод мертвых законов, перечень сухих правил. Начетчики полагают, будто «систему» можно превратить в некую универсальную отмычку, с помощью которой все секреты творчества сами раскроются. Между тем, как прекрасно показывает пример Вл. И. Немировича-Данченко, соратника и сподвижника К. С. Станиславского, «система» по-своему живет и развивается в руках художника страстного и самостоятельного, целеустремленного и талантливого.

Следовательно, овладение системой дается не путем простого изучения тех или иных правил, а путем живого, темпераментного осуществления в практике открытых К. С. Станиславским законов органического творчества, основных принципов реалистического театра. Именно такому, подлинно творческому пониманию «системы» нас учит великолепный

пример деятельности Вл. И. Немировича-Данченко.

Все, кто знал Вл. И. Немировича-Данченко, помнят его, как страстного борца за правду сценического искусства, яростного врага ложной сентиментальности, холодной декламации, жестокого гонителя малейшей фальши в актерской игре. Все, кто знал Немировича-Данченко, все, кому посчастливилось бывать на его репетициях, навсегда сохранили восхищение тем тонким мастерством, с которым проникал он в самую сердцевину актерского существа, тем настойчивым и терпеливым упорством, с которым он вел актера к желанной цели: к правдивому, впечатляющему образу. И среди этих воспоминаний особенно яркие блестящие «показы» Вл. И. Немировича-Данченко, когда он, мгновенно перевоплощаясь, умел продемонстрировать свое видение той или иной сцены с искусством, немедленно увлекавшим и творчески возбуждавшим исполнителя...

Вся жизнь Немировича-Данченко была подлинным творческим подвигом. Восемьдесят четыре лет он с молодым пылом и с неиссякающей энергией продолжал работать — и все новые и новые замыслы, как в драматическом, так и в музыкальном искусстве, волновали его ум и его сердце. Когда Владимир Иванович умер, на письменном столе в его кабинете обнаружили листки с записями, сделанными на последней репетиции спектакля «Последняя жертва»: его требовательный глаз зафиксировал несколько недостатков — необходимо исправить, ничего неверного, ничего фальшивого не должно быть на сцене!

Да, это был страстный художник. И его пример, его творческие заветы навсегда останутся в сердцах всех работников советского театра.

Ю. Завадский,
народный артист СССР,
лауреат Сталинской премии.

Вечерняя Москва

Москва

25 АПР 1953